

В СЕРИИ
«МИРЫ РАТКЕВИЧ»
ВЫШЛИ:

«ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ»:

ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ
РУКОЯТЬ МЕЧА
МЕЧ БЕЗ РУКОЯТИ

«НАЙЛИССКИЙ ЦИКЛ»:

ТАЭ ЭККЕЙР!
ЛАРЕ-И-ТА'Э

ВНЕ ЦИКЛА:

ВРЕМЯ ЗОЛОТА, ВРЕМЯ СЕРЕБРА
ПАРАДОКСЫ МЛАДШЕГО ПАТРИАРХА
НАЁМНИК МЁРТВЫХ БОГОВ
ДЖЕТ ИЗ ДЖЕТЕВЕНА
БЛИЖЕ СМЕРТИ И ДАЛЬШЕ СЧАСТЬЯ

НОВЫЙ ЦИКЛ:

ЧАС КРОТКОЙ ВОДЫ

Элеонора
Раткевич

БЛИЖЕ СМЕРТИ
И ДАЛЬШЕ
СЧАСТЬЯ

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Р25

Раткевич, Э.

Р25 Ближе смерти и дальше счастья / Э. Раткевич. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 348 с. — (Миры Раткевич).

ISBN 978-5-521-74078-9

Любовь может принимать разный облик. Но и за сотни световых лет от Земли, и на границе миров, и в отчаявшемся городе любовь остаётся собой. И она скажет своё слово.

Родная земля может выглядеть по-разному. Но какой бы враг ни попытался захватить её, она остаётся собой. И она даст силы своим защитникам. А сказки... они всегда остаются сказками. Даже если им самим так не кажется...

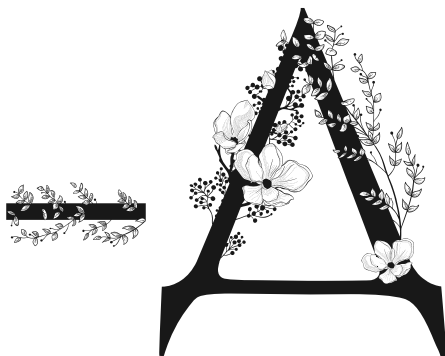
BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-74078-9

© Элеонора Раткевич, текст, 2019
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

Часть 1
НЕВЕДОМО КОГДА

БЛИЖЕ СМЕРТИ И ДАЛЬШЕ СЧАСТЬЯ

а, в общем, умер, — произнес врач.

Интересно, а как можно умереть частично? В одной фразе содержалось много нелепостей, но в первый момент она заметила только эту. То, что он, в общем, умер, до нее дошло чуть позже.

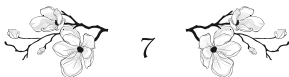
Одри Брентон, чтоб скрыть неуместную искорку веселья во взгляде, уставилась на что попало. Какой яркий контраст между белизной простыни и смуглой рукой Счастливого. Рука выглядит совсем мягкой и теплой, слишком живой для умершего.

— Нет, в этом смысле, безусловно, нет, — заверил Одри врач, поняв ее недоумение. — Конечно, он еще будет долго, долго вегетировать вот так. Лет пятьдесят, а то и семьдесят.

Вегетировать? Рич? Счастливчик Рич?

— Но из коматозного состояния он уже никогда не выйдет. Он умер не здесь, если так можно выразиться. Он умер там, где выполнял свою миссию. Его психика, можно сказать, мертва.

Когда человек месяц не вставал с места, странно слышать, что он умер не здесь.

Стоп. Умер?

— Так не бывает, — отрезала Одри. — Не морочьте мне голову. За этот вызов вы мне еще ответите. Господи, а я-то думала...

— Милая Одри, — ответил врач, — я вполне вас понимаю. Но, знаете ли, именно это и произошло.

Вот только теперь Одри оценила запинаящуюся речь врача. Его бесконечные «знаете ли», «в общем» и прочие словечки, совершенно ему не свойственные. И, как ни странно, именно эта мелочь и убедила ее в том, что трагедия все же состоялась.

Но ведь невероятная. Смерть такого рода попросту исключена из пределов возможного. Агент может умереть здесь. Если откажет аппаратура, поддерживающая при жизни тело, чья психика находится в каком-нибудь носителе на другой планете... в принципе возможно, хотя за последние сорок лет ни разу не случилось. Но это на языке Управления — «смерть здесь», а там, в чужом теле, в чужих мирах, живой разум покойного наблюдателя исправно работал, и проблема возникала лишь по окончании работы: куда его девать? Естественно, эти разумы работали беспрерывно, отправляясь с одной планеты на другую без отпуска. Работа у наблюдателей и так нервная, к чему еще и сообщать, что ты уже давно почил в бозе? На жаргоне Управления такие разумы назывались «летучими голландцами». Вот уже сорок лет, как ко всей механике прибавилась еще одна страховка: стоило чему-нибудь из аппаратуры жизнеобеспечения сломаться, перегреться или претерпеть еще что-нибудь непотребное, как миссия оканчивалась, и компьютер тут же возвращал разум агента в его естественное тело. Это тоже был жаргон Управления — «естественное тело». Правда, подсознательный страх вытравить не так-то легко, один из «голландцев» был еще жив, и любой сотрудник, получавший два направления подряд без возвращения хотя бы на денек в естественное тело, боялся, уж не стал ли он очередным «голландцем». Но это — «смерть здесь».

А вот «смерть там» была практически невозможна. Об этом позаботились еще при самых первых опытах более ста лет назад. Мало ли в кого могут забросить твою психику? Может, этот субъ-

ект как раз намыливает петельку, а тебе что же — помирать с ним за компанию? Одно слово — носитель. Вот потому-то смерть носителя автоматически возвращала агента в «естественное тело». Более того. Агентов-наблюдателей отбирали по принципу абсолютной психической устойчивости. Так-то оно так. Но если в незапамятные времена говаривали «раз в год и палка стреляет», то применительно к Управлению старая мудрость гласила: «раз в жизни и наблюдатель может спятить». В этом случае всемогущая система также гарантировала возврат. Да что там — спятить, малейшая депрессия, и та замыкала контакт, и агент, не успевший даже осознать толком свой душевный кризис, возвращался в привычный мир.

За всю историю Управления такого случая не было. Счастливчик Рич не шутил, говоря Одри, что профессия наблюдателя самая безопасная из всех романтических и самая романтическая из всех безопасных. Смерть носителя — возврат. Дефект аппаратуры — возврат. Задумаешься о мировых проблемах с тоской — возврат.

Но разум Счастливчика Рича пережил нечто невозвратимое. Рич мертв. Первый агент, «умерший там».

— Что теперь будет? — тихо спросила Одри. Нелепый вопрос, но еще нелепей было бы спросить «а как это могло случиться?». Ясно же, что ответа не последует.

Врач пожал плечами.

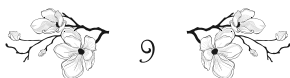
— Не знаю. По закону, пока его тело... мм... ну, словом, пока не наступила «смерть здесь», он должен существовать. Конечно, если вы хотите, его можно перевести в резерв для... э-э-э... вы понимаете меня...

Еще бы не понять. Представив себе чужой разум в теле, с которым она провела не одну ночь, Одри чуть не сомлела.

— Мне бы не хотелось, — ответила она, тоже избегая прямых формулировок.

— Вот видите.

Одри видела только одно. Мраморно-неподвижную белизну простыни, на которую месяц назад лег Рикардо. Складкам, однажды заматытым этой смуглой тяжестью, суждено пребывать имен-

но такими. Его тело будет лежать здесь, пока не умрет и оно. Стекланный колпак никогда не сдвинется. Идеальный памятник. Одри не испытывала горя. Возможно, оно придет потом.

— Мы не знаем, как это случилось, — говорил ей начальник, аккуратно вымарывая из графика запись «Рикардо Стекки». — И потом, Счастливи́чик не закончил свою работу. Вы, конечно, можете отказаться.

— Зачем? — пожала плечами Одри. — Я ведь сама напросилась.

— А вы уверены, что переход пройдет нормально?

Одри удивленно воззрилась на начальника.

— Вы же знаете систему страховки. Душевнобольные не переходят. Два часа машинного времени, потраченного впустую, и все.

— Но с чего вы взяли...

— У нормальных людей, — вполне серьезно произнес начальник, — присутствует инстинкт самосохранения. Мы ведь так и не знаем, что там случилось, И упрекнуть их не в чем. «Смерть там» — кто хочешь испугается. А вы напрашиваетесь сами. Может, не стоит терзать компьютер понапрасну?

Шутит, конечно.

Одри хрустнула пальцами. Совершенно нет чувства юмора у человека. Шутит он очень неуклюже и только в самых критических ситуациях. Из этой потуги на остроумие сам собой напрашивается вывод о том, насколько нешуточная ситуация сложилась в отделе.

Что-то, с чем столкнулся Рич. Грозное. Непонятное. Неведомое.

— Это пройдет, — медленно произнесла Одри. — Один случай на миллиард. Он не может повториться! Все это очень скоро забудется, вот увидите.

Как будто Рикардо никогда и не было. Приснился, например. Ей — легко говорить. Они собирались сыграть свадьбу, когда Рич вернется. Приснился. Сны наяву. Рич улыбается. Он вернулся из очень важного перехода, и ему присвоили разряд старшего наблюдателя. По этому случаю его смуглое тело облачено в фор-

